

Саша Чёрный

Сумбур-трава



*Часть сборника
Избранная проза*



Солдатские сказки

Саша Чёрный
Сумбур-трава

«Public Domain»

1932

Чёрный С.

Сумбур-трава / С. Чёрный — «Public Domain»,
1932 — (Солдатские сказки)

«Лежит солдат Федор Лушников в выздоравливающей палате псковского военного госпиталя, штукатурку на стене колупает, думку свою думает. Ранение у него плевое: пуля на излете зад ему с краю прошила, – курица и та выживет. Подлатали ему шкурку аккуратно, через пять дней на выписку, этапным порядком в свою часть, окопный кисель месить. Гром победы раздавайся, Федор Лушников держись...»

Саша Чёрный Сумбур-трав

Лежит солдат Федор Лушников в выздоравливающей палате псковского военного госпиталя, штукатурку на стене колупает, думку свою думает. Ранение у него плевое: пуля на излете зад ему с краю прошила, – курица и та выживет. Подлатали ему шкурку аккуратно, через пять дней на выписку, этапным порядком в свою часть, окопный кисель месить. Гром победы раздавайся, Федор Лушников держись...

А у него, Лушникова, под самым Псковом, – верст тридцать, не боле, – семейство. Туда-сюда на ладье с земляком, который на базар снеток поставляет, в три дня обернешься. Да без спросу не уйдешь, – военное дело не булка с маком. Не тем концом в рот сунешь, подавишься...

Подкатился он было на обходе к зауряд-подлекарю, – человек свежий, личность у него была сожалеющая.

– Так и так, ваше благородие, тыл у меня теперь в полной справности, в другой раз немец умнее будет, авось с другого конца в самую голову цокнет... А пока жив, явите божескую милость, дозвоьте семейство свое повидать, по хозяйству гайки подвинтить. Ранение мое, сам знаю, не геройское, да я ж тому не причинен. По ходу сообщения с котелком шел, вижу, укроп дикий над фуражкой, как фазан мотается... А нам суп энтот голый со снетком и в горло не шел. Как так, думаю, укропцем не попользоваться. Вылез на короткую минутку, только нацелился – цоп. Будто птичка в зад клюнула. Кровь я свою все ж таки, ваше благородие, пролил. Ужели русскому псковскому солдату на три дня снисхождения не сделают?

Вздыхнул подлекар, глазки в очки спрятал. «Я, – говорит, – голубь, тебя б хочь до самого Рождества отпустил, сиди дома, пополняй население. Да власть у меня воробыная. Упроси главного врача, он все военные законы произошел, авось смилуется и обходную статью для тебя найдет». Добрая душа, известно, – на хромой лошадке да в кустики.

Сунулся Лушников к главному, ан кремень тихой просьбой не расколешь. Начальник был формальный, заведение свое содержал в чистоте и строгости: муха на стекло по своей надобности присядет, чичас же палатной сестре разнос по всей линии.

– Энто, – говорит, – пистолет, ты не ладно придумал. У меня тут вас, псковичей, поллазарета. Все к своей губернии притулились. Ежели всех на бабий фронт к бабам отпускать, кто же воевать до победного конца будет? Я, что ли, со старшей сестрой в резерве? У меня, золотой мой, у самого в Питере жена-дети, тоже свое семейство некупленное... Однако ж терплю, с должности своей не сигаю, а и я ведь не на мякине замешен. Крошки с халата бы лучше сдул, ишь обсыпался, как цыган махоркой...

Утешил солдата, нечего сказать, – по ране и пластырь. Лежит Федор на койке, насупился, будто печень каленым железом проткнули. Сравнил тоже, тетерев шалфейный... Жена к нему из Питера туда-сюда в мягком вагоне мотается, сестрами милосердными по самое горло обложился, жалованье золотыми столбиками, харч офицерский. Будто и не война, а ангелы на перине по кисельному озеру волокут...

Сестрица тут востроглазая у койки затормозилась. Куриный пупок ему из слабосильной порции для утешения сунула, да из ароматной трубки вокруг попрыскала. Прыскай, не прыскай, – ароматы от мух не избавят.

Вечер пал. Дневальный на стульчике у двери порядок поддерживает – храпит, аж пузырьки в угловом шкапчике трясутся. Сестра вольную шляпку вздела, в город на легких каблучках понеслась, – петухов доить, что ли... Тоже и ей не мед солдатское мясо от зари до зари пеленать. Под зеленым колпачком лампочка могильной лампадкой горит, вентиляция в фортке жужжит – солдатскую обиду вокруг себя наворачивает. Эх, штык им всем в душу, с

правилами ихними... Хоть бы вполглаза посмотреть, что там дома... Сердце стучит, за тридцать верст, поди, слышно...

Отвел Лушников глаза с потолка, так бы зубами все койки и перегрыз. Видит, насупотив мордвин Бураков на койке щуплые ножки скрестил, на пальцы свои растопыренные смотрит, молитву лесную бормочет. Бородка ровно пробочник ржавый. Как ему, пьявке, не молиться... Внутренность у него какая-то блуждающая обнаружилась – печень вокруг сердца бродит, – дали ему чистую отставку... Лежи на печи, мухоморную настойку посасывай. И с блуждающей поживешь, абы дома... Ишь какое, гунявому, счастье привалило!

Отмолился мордвин; грудь заскреб. Смотрит Лушников – на грудке у Буракова какой-то пороссячий сушеный хвост на красной нитке болтается.

– Энто что ж у тебя, землячок, за снасть?

– Корешок, – говорит, – такой, сумбур-трава.

– А на кой он тебе ляд, что ты и на войну его прихватил? От шрапнели, что ли, помогает?

Осклабился Бураков. В ночной час в сонной палате и мордвину поговорить хочется. Пошарил он глазами по койкам, – тишина, солдатики мирно посапывают, хру да хру, – известно, палата выздоравливающая. Повернулся к Лушникову мочалкой и заскрипел:

– Сумбур-трава. На память взял, пензенским болотом пахнет. По домашности первая вещь. Сосед какой тебе не по вкусу, хочешь ты ему настоящий вред сделать, чичас корешок водой зальешь и водой энтой самой избу в потаенный час и взбрызнешь. В тую же минуту по всем лавкам-подлавкам черные тараканы зашуршат. Глаза выпьют, уши заклеют, хоть из избы вон беги. Аккуратный корешок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.